

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 – 1 “18”

Ю.В. Гришанова

ИСТОРИЯ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ К.К. ПАВЛОВОЙ И А.К. ТОЛСТОГО

Гришанова Ю.В.

ІСТОРІЯ ТВОРЧИХ ВІДНОСИН К.К. ПАВЛОВОЇ І О.К. ТОЛСТОГО

Стаття присвячена відтворенню картини взаємовідносин К.К. Павлової з її сучасником О.К. Толстим. Їх творча співпраця неодноразово привертала до себе увагу дослідників, якими зібрана та усвідомлена значна частина матеріалу. Як показано в статті між Павловою і Толстим відбувався поетичний діалог, який свідчить, що поети були близькі духовно та через сприйняття життя і мистецтва. Завдяки аналізу переписки Павлової і Толстого уявлення про їх відносини стає більш повним та достовірним.

Ключові слова: творча діяльність, передмова, віршоване листування, трилогія, трагедія, літературне, громадське життя.

Гришанова Ю.В.

ИСТОРИЯ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ К.К. ПАВЛОВОЙ И А.К. ТОЛСТОГО

Статья посвящена воссозданию картины взаимоотношений К.К. Павловой с ее современником А.К. Толстым. Их творческое сотрудничество неоднократно привлекало к себе внимание исследователей, которыми собран и осмыслен значительный материал. Как показано в статье между Павловой и Толстым происходил поэтический диалог, свидетельствующий, что поэты были близки по духу и восприятию жизни и искусства. В процессе их творческих контактов по-новому раскрылся переводческий талант К. Павловой. Анализ переписки Павловой и Толстого позволяет сделать представление об их отношениях более полным и достоверным.

Ключевые слова: творческая деятельность, предисловие, стихотворная переписка, трилогия, трагедия, полемика, литературная, общественная жизнь.

Grishanova J.V

THE HISTORY OF CREATIVE MUTUAL RELATIONS BETWEEN K.K. PAVLOVA AND A.K. TOLSTOY

The article is dedicated to the recreation of picture of mutual relations between K.K. Pavlova and A.K. Tolstoy. Their creative collaboration caught researchers' eye many of times, who collected and interpreted a considerable part of the material. As the article shows us there was a kind of poetical dialogue between Pavlova and Tolstoy, which states that the poets were close spiritually and in their realizing of life and art. The analysis of Pavlova and Tolstoy's correspondence let us have clearer and more authentic picture of their relationship.

Key words: creative activity, introduction, verse correspondence, trilogy, tragedy, polemics, literary, social life.

Творческие взаимоотношения К.К. Павловой с А.К. Толстым знаменуют собой интересную страницу в истории русской литературы XIX века. Целью данного исследования является характеристика творческих контактов К. Павловой с А.К. Толстым, основанная на материале, ранее не вводившемся в оборот. Это первая работа, которая содержит общую характеристику всех сторон взаимоотношений Павловой и А.К. Толстого.

К. Павлова заслужила признание и высокую оценку таких ее современников, как К.С. Аксаков, Е.А. Баратынский, В.Г. Белинский, А.С. Хомяков, Н.М. Языков и др.

Общение и сотрудничество с А.К. Толстым стало последней яркой страницей в биогра-

фии К. Павловой. Время их знакомства может быть установлено лишь приблизительно. 21 марта 1861 г. Толстой писал Б.М. Маркевичу: “Надо Вам сказать, что в Дрездене я познакомился с г-жой Павловой и что она перевела весь пролог и часть самой драмы (“Дон Жуан”). Право же, я никогда, ни на одном языке не читал перевода столь прекрасного, как этот; г-жа Павлова так же, как и несколько немецких литераторов, которым она читала свой перевод, а остальное переводила с листа, наговорили мне такого, что я не осмелюсь и повторить...” [4, с. 128].

Б. Рапгоф пишет по этому поводу: “Вот первое упоминание об этом знакомстве; само зна-

комство, вероятно, относится к 1860 или к началу 1861 года” И там же: “*В. Брюсов утверждает, что Павлова еще в Дрезде познакомилась с Толстым. Я думаю, что письмо графа вполне опровергает это мнение*” [3, с. 37]. Возможно, утверждение Брюсова действительно не имеет под собой оснований, но и датировка самого Рапгофа небесспорна.

Стоит отметить, что сходного с Брюсовым мнения по данному поводу придерживается и публикатор писем Павловой к Толстому Мунир Сендич: “Их личные контакты начались зимой 1860 г., когда Толстой во время пребывания в Дрездене познакомился с Павловой, которая жила там с 1858 г.” [5, с. 541]. По нашему мнению, ее знакомство с Толстым могло произойти и до 1860 г., что косвенно подтверждается упоминанием ее имени в его письме к И.С. Аксакову от 31 декабря 1858 г. Самое раннее из дошедших до нас писем Толстого к Павловой, датируемое приблизительно началом 1861 г. и содержащее замечания по поводу перевода “Дон Жуана” [4, с. 124–126], судя по его содержанию и тональности, явно было не первым.

Последующие письма Толстого к Павловой свидетельствуют не только о его высокой оценке переводческой и вообще творческой деятельности поэтессы, но и о близости их творческих отношений. Речь, в частности, идет о том, что Толстой хлопотал перед великой княжной Еленой Павловной о назначении Павловой пенсии, настойчиво интересовался, как продвигается это дело, и, в конце концов, добился того, что Павлова на протяжении трех лет получала по 400 рублей в год. Для нее это было очень важно, потому что живя в Дрездене, она, в сущности, бедствовала, что подтверждает

И.С. Аксаков, писавший, что “*живет она своими трудами, сделав себе, строгий бюджет и вырабатывает в год 1000 талеров. Разумеется, это положение очень непрочное; сделайся она больна, откажи ей журналисты, и она погибла. В запасе у нее ни гроша...*” [1, с. 27]. Как явствует из писем Павловой к Толстому, и те деньги, которые она получала за перевод его пьес, служили ей существенным подспорьем.

Вероятно, именно забота о материальном положении Павловой побудила Толстого познакомиться ее с композитором бароном Б.А. Фитингофом-Шелем, который как раз в это время искал либреттиста для оперы на сюжет “Демона” Лермонтова. Толстой рекомендовал ему поручить эту работу Павловой, и она ее, по-видимому, выполнила, но Фитингоф-Шель ею не воспользовался, а позднее либретто на тот же сюжет для него написал В.А. Соллогуб. Об отношении Толстого к Павловой говорит и то, что он написал ей несколько стихотворных посланий, одно из которых на русском языке (“Прошу простить великодушно”) и семь – на немецком.

Предположительно в 1862 г. Павлова написала ответное стихотворное послание, обращенное к А.К. Толстому и выразившее всю меру благодарности переполнявшей ее душу. Перечисляя, за что она благодарна Толстому, Павлова использовала анафоры, которыми начинаются 8 стихов из 16-ти, составляющих стихотворение:

Спасибо вам! и это слово
Будь вам всегдашний мой привет!
Спасибо вам за то, что снова
Я поняла, что я поэт;
За то, что вновь мне есть светило,
Что вновь восторг мне стал знаком,
И что я вновь заговорила
Моим заветным языком;
За дивный мир среди мира прозы,
За вдохновенья благодать,
За прежние, святые слезы,
В глазах сверкнувшие опять;
За всё, что вдруг мне грудь согрело,
За счастье предаваться снам,
За трепет дум, за жажду дела,
За жизнь души – спасибо вам! [2, с. 223].

Фактом первостепенного значения во взаимоотношениях обоих писателей был перевод Павловой на немецкий язык трагедии “Смерть Иоанна Грозного”. Эта работа началась в 1863 г., а в 1864 г. переводчица выслала автору номер “*Russische Revue*” с переводом первых двух актов. Толстой обещал ей написать предисловие к ее переводу, но исполнение этого обещания затягивал. 22 февраля (5 марта) 1864 г. он писал ей из Рима: “*Если бы Ваше знание всех языков могло внушить мне предположение, что Вам знакомы в них и бранные слова, то я просил бы Вас сообщить мне несколько самых бранных из их числа, чтобы они были для меня наказанием за то, что я еще не написал предисловия к “Иоанну”.* Что поделаешь? Все на свете заразительно: вблизи Вас я работал; вблизи папы предаюсь созерцанию. Подталкивайте меня время от времени в Ваших письмах, чтобы, по крайней мере, я хоть что-нибудь начал. А раз начавшись, дело уж пойдет само собой” [4, с. 161].

Но дело не пошло. Обещанное предисловие Толстой так и не написал, и в конце концов это сделала сама Павлова.

Детали перевода обсуждались в многочисленных пространных письмах драматурга. Он оценивал его чрезвычайно высоко, не раз называл “прекрасным”, а в одном из писем к неустановленному лицу сообщал, что Павлова “*довела свой перевод до такой степени совершенства, что я назвал бы его шедевром, если бы не был автором оригинала*” [4, с. 212].

“Смерть Иоанна Грозного” в переводе Павловой была поставлена на сцене Веймарского театра. Ее письма к драматургу свидетельствуют

о том, с какой заинтересованностью она вникала во все детали предстоящей премьеры. Герцог Веймарский, большой поклонник таланта Толстого, принимал непосредственное участие в подготовке спектакля, приглашал к себе и драматурга, и переводчицу, обсуждал с ними вопросы распределения ролей. Содействовал ей и Ф. Лист, которому Толстой писал через два дня после премьеры: *“...Если я прежде всего вам обязан принятием на Веймарскую сцену моей трагедии “Смерть Иоанна”, то мне также приятно думать, что той магнетической силе, которой Вы подкрепили Вашу рекомендацию, я обязан действительно неожиданным успехом этой пьесы при первом ее исполнении. Состоялось оно в четверг, 30 января. Театр был переполнен, любопытных было больше, чем мест, и после окончания первого акта аплодисменты уже не прекращались. Меня несколько раз вызывали и оказали мне прием, который не могу назвать иначе, как триумфом”* [4, с. 226].

Павлова перевела и вторую часть трилогии – трагедию “Царь Федор Иоаннович”. Этот перевод также получил высокую оценку писателя и также должен был прозвучать с Веймарской сцены. Об этом говорится в письмах Толстого к М.М. Стасюлевичу. 7 октября 1869 г. он писал: *“После Карлсбада я был в Веймаре и на Вартбурге, где происходило чтение “Федора” в великолепном переводе г-жи Павловой. Эффект превзошел мои надежды. “Федор” будет дан на Веймарском театре и, кажется, на некоторых других”* [4, с. 311]. 12 ноября он возвращается к той же теме: *“Мне пишут из Веймара, что “Федор Иоаннович” будет дан эту зиму в Веймаре в переводе г-жи Павловой. Я был в Веймаре в сентябре, и “Федора” читали в Эйзенахе, на Вартбурге. Великий герцог тогда же сказал мне, что он хочет его дать, а императрица подтвердила его намерение”* [4, с. 321]. Но эта постановка не состоялась.

Что же касается завершающей части трилогии – трагедии “Царь Борис”, которую сам автор в процессе работы над ней оценивал очень высоко и считал чуть ли не лучшей, то Павлова ее не одобрила и переводить отказалась. Время подтвердило, что права оказалась она, а не Толстой. Есть основания думать, что правоту своей переводчицы вскоре осознал и сам драматург. Разве не показательно, что написав два подробных, детально разработанных “Проекта постановки на сцену...” “Смерти Иоанна Грозного” и “Царя Федора Иоанновича”, Толстой не сделал того же для “Царя Бориса”? Единственное, чем можно это объяснить, – он сам ощутил, что “проект” не понадобится, у пьесы не будет сценической истории, и в этом он не ошибся.

Значительный интерес представляет под-

борка писем Павловой к Толстому на немецком и французском языках, опубликованная в 1974 г., но прошедшая у нас как-то незамеченной. Они относятся к 1867–1875 гг., т.е. к заключительному периоду общения и переписки обоих литераторов. Эти письма дают яркое представление о Каролине Павловой, какой она была в те годы, как о сильной самостоятельно мыслящей личности, которая не выглядела рядом с Толстым блеклой и безликой ученицей, но полемизировала с ним на равных и нередко выглядела более убедительно.

В июне 1868 г. между ними произошел обмен мнениями о природе трагедии – сдержанный по тону, но весьма категорический по существу. Толстой 9 июня писал, что определение, согласно которому герой трагедии должен стремиться к определенной цели, по его мнению, *“узко и не подходит к иным трагедиям, которые всеми признаются шедеврами. Так не правильнее было бы сказать: предметом трагедии должно быть значительное событие, в ходе которого развиваются и проявляются интересные характеры”* [4, с. 232].

Толстой не скрыл от своей корреспондентки, что обсуждаемый вопрос представляет для него не отвлеченно теоретический интерес, что он “защищает себя самого” в “Иване” и “Федоре”. Лишь с учетом этого обстоятельства можно правильно оценить категоричность возражений, которые он встретил со стороны Павловой. Определение, предлагаемое Толстым, она не сочла удовлетворительным. *“Пьеса, сделанная по этому рецепту, даже если она очень поэтична, не будет драматичной, потому что драма должна давать больше, чем развитие характеров; она должна нас потрясать (как метко говорят в обычной жизни), захватывать. Я думаю, что мы лучше всего обозначим решаемую нами задачу, если скажем: Драма должна показывать нам борьбу человека, борьбу с тем, что перед ним и в нем самом, внешне с силами судьбы и внутренне с силами искушений и страданий”* [4, с. 547]. Как и Толстой, Павлова апеллировала к Шекспиру и героям его трагедий, именно в них стремясь найти обоснование своих определений. В конце письма она несколько смягчила его категоричность словами: *“Если Вы сочтете это высказанное мной мнение ошибочным (что вполне может случиться, потому что людям свойственно ошибаться, а женщинам в особенности), то вразумите меня и мы продолжим этот приятный разговор, если он также и Вам доставит удовольствие”* [4, с. 548].

Его последнее письмо, отправленное Павловой из Берлина, датировано 8 (20) июля 1875 г. В нем и беспокойство о ее здоровье и настроении, и сообщение, что он вновь беседовал о ней с императрицей, и настоятельное пожелание, чтобы она

продолжала работу над своим дневником и мемуарами. А 28 сентября он скончался.

Его смерть не могла не потрясти Павлову: Толстой был единственным русским писателем, с которым она поддерживала регулярную связь. На ее литературном небосклоне погасла последняя звезда. Она доживала свои дни в одиночестве, забвении и нищете. Ее бывший муж Николай Филиппович давно расстался с ней и женился на своей давней любовнице Е.А. Танненберг. Он умер в 1864 г. Еще раньше, в 1855 г. умер Мицкевич, очевидно, самая сильная любовь в ее жизни. В 1882 г. она потеряла единственного сына Ипполита Николаевича. Каролина Павлова скончалась 2 декабря 1893 г. в городке Пильниц (по другим сведениям – Клостервиц), близ Дрездена, всеми брошенная и забытая, и была похоронена за счет местной общины. В “Новом времени”, “Русских ведомостях” и “Историческом вестнике” появились скудные некрологи. С тех пор за ней надолго закрепилась репутация “забытой поэтессы”.

В данной статье воссоздана картина взаимоотношений Павловой с ее современником. Для А.К. Толстого Павлова была соратницей, помощ-

ницей, вместе с тем в процессе их творческих контактов получил новый импульс и по-новому раскрылся ее переводческий талант. Таким образом, совокупность этих сюжетов дает ценный материал для правильного представления и о личности поэтессы, и о ее месте в литературной и общественной жизни своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.С. Аксаков в его письмах. Ч. 1. / И.С. Аксаков. – М., 1892. – Т. 3. – 514 с.
2. Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений / К.К. Павлова. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 615 с.
3. Рапгоф Б. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества / Б. Рапгоф. – Петрозаводск: Трирема, 1916. – 87 с.
4. Толстой А.К. Собр. соч. в 4 т. / А.К. Толстой. – М., 1964. – Т.4. – 584 с.
5. Sendich Munir. Twelve unpublished letters of Karolina Pavlova to Alexey Tolstoy / Sendich Munir // Russian Literature Triquarterly. – Ann Arbor, 1974. – № 9. – P. 541–558.

УДК 821.161.1 – 09

В.А. Резникова

В.Г. БАЗАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА ФЕДОРА ГЛИНКИ

Резникова В.А.

В. Г. БАЗАНОВ – ДОСЛІДНИК ТВОРЧОСТІ ФЕДОРА ГЛІНКИ

У статті досліджується монографія вченого “Карельські поеми Федора Глінки”, а також його стаття, присвячена повісті у віршах Ф.М. Глінки “Діва карельських лісів”, в яких автор проводить найбільш різносторонній і поглиблений аналіз творчості поета. Надалі вчений не раз повертався до цих творів у своїх статтях і книгах щось удосконалював, доповнював, але головне було сказано саме в цих роботах. Головним предметом вивчення протягом більшої частини життя видатного радянського вченого, літературознавця В.Г. Базанова, була творчість Ф.М. Глінки. Видання Глінки, підготовлені Базановим, і сукупність його робіт відтворили справжній образ поета, декабриста і вольнолюбця.

Ключові слова: літературознавець, творчість, видання, декабрист, монографія

Резникова В.А.

В.Г. БАЗАНОВ - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА ФЕДОРА ГЛИНКИ

В статье исследуется монография ученого “Карельские поэмы Федора Глинки”, а также его статья, посвященная повести в стихах Ф.Н. Глинки “Дева карельских лесов”, в которой автор проводит наиболее разносторонний и углубленный анализ творчества поэта. В дальнейшем ученый не раз обращался к этим произведениям в своих статьях и книгах, что-то совершенствовал, дополнял, но главное было сказано именно в этих работах.

Главным предметом изучения на протяжении большей части жизни выдающегося советского ученого, литературоведа В.Г. Базанова, было творчество Ф.Н. Глинки. Издания Глинки, подготовленные Базановым, и совокупность его работ воссоздали подлинный образ поэта, декабриста и вольнодумца.

Ключевые слова: литературовед, творчество, издания, декабрист, монография